

КРИСТИ ТЕЙТ

ГРУППА

**как один психотерапевт
и пять незнакомых людей
спасли мне жизнь**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 159.922.1
ББК 88.5
Т30

GROUP
How One Therapist and a Circle of Strangers Saved My Life
Christie Tate

Copyright © 2020 by Christie Tate
Simon & Schuster, Inc., is the original publisher of the title.

Тейт, Кристи.

Т30 Группа. Как один психотерапевт и пять незнакомых
людям спасли мне жизнь / Кристи Тейт ; [перевод с
английского Э. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2022. —
480 с. — (Служебная тайна. Неизвестная сторона из-
вестных профессий).

ISBN 978-5-04-122698-5

Кристи Тейт — молодая девушка, лучшая ученица в своем клас-
се юридической школы, успешно прошедшая практику в крупной
фирме. Все в жизни девушки складывается прекрасно, но она едет
по шоссе и в ее голове одна лишь навязчивая мысль: «Вот бы кто-
нибудь прикончил меня выстрелом в голову».

Эти маниакальные мысли отправляют ее на поиски терапии, и
она попадает в нетрадиционную группу, возглавляемую харизма-
тичным психотерапевтом. Доктор Розен выписывает ей рецепт из
восьми слов, который наконец изменит ее жизнь: «Вам не нужно ле-
карство. Вам нужны только свидетели». Она занимает свое место и
становится психологически и эмоционально обнаженной в комнате
с шестью совершенно незнакомыми людьми.

Групповая терапия разбивает ее на части, а затем собирает за-
ново, чтобы все части наконец подошли друг другу.

УДК 159.922.1
ББК 88.5

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-122698-5

*Моему психотерапевту и членам группы,
с которыми я имею честь делить круг*

Часть I

1

Когда я впервые пожелала смерти — в смысле по-настоящему, чтобы она похлопала меня по плечу своей костлявой дланью и сказала: «Сюда», — в моей машине на переднем пассажирском сиденье стояли два пакета из магазина «Овощи и фрукты Стэнли»: капуста, морковь, немного слив, перец-колокольчик, репчатый лук и две дюжины красных яблок. Прошло три дня после посещения офиса университетского казначея, где секретарь юридической школы вручил мне выписку с номером моего места в студенческом рейтинге, и этот номер теперь преследовал меня. Я повернула ключ зажигания и подождала, пока мотор придет в себя на 32-градусной жаре.

Я вытащила из пакета сливу, помяла пальцами и надкусила. Кожица была плотной, зато мякоть под ней — нежной. По подбородку потек сок.

08:30. Утро. Мне некуда податься, нечем заняться. Никто не рассчитывал увидеться со мной рань-

ше утра понедельника, когда нужно явиться в «Лэрд, Гриффин и Гриффин» — юридическую фирму, специализировавшуюся на трудовом законодательстве, где я проходила летнюю стажировку. В «ЛГиГ» только администратор и партнер, который меня нанял, знали о моем существовании. Четвертое июля в этом году пришлось на среду, то есть мне предстоял еще один душный пустой день в середине недели. Найду встречу одной из 12-шаговых групп¹ и буду надеяться, что кто-нибудь после окончания захочет пойти попить со мной кофе. Может, другая одинокая душа пожелает вместе сходить в кино или съесть по салатику. Двигатель загудел, пробуждаясь к жизни, и я выехала с парковки.

Вот бы кто-нибудь прикончил меня выстрелом в голову.

Успокаивающая мысль с холодной обсидиановой поверхностью. Если бы я умерла, мне не пришлось бы придумывать, чем заполнить 48 часов выходных — или праздничную пустоту в среду, или следующий уикенд. Мне не пришлось бы терпеть часы жаркого, тяжелого одиночества, простиравшиеся передо мной, — часы, которые превратятся в дни, месяцы, годы. В целую жизнь, где нет ничего, кроме меня самой, пакета с яблоками и слабенькой надежды, что какому-нибудь

¹ Программа 12 шагов разработана обществом Анонимных алкоголиков (АА) и применяется многочисленными организациями для помощи людям с разнообразными зависимостями. Участников групп (как правило, со свободным посещением) называют выздоравливающими. — *Здесь и далее прим. ред.*

страдальцу после встречи выздоравливающих, возможно, захочется компании.

В голове мелькнула мысль о недавнем сюжете в новостях: стрельбе с человеческими жертвами в Кабрини-Грин, многоквартирном чикагском гетто с дурной славой. Я выехала в южном направлении по Клайборн-авеню и на Дивижн-стрит повернула налево. Может, поймаю какую-нибудь шальную пулю.

Пожалуйста, кто-нибудь, пристрелите меня.

Я повторяла это как мантру, как заклинание, как молитву, которая, вероятно, останется без ответа, потому что я — 26-летняя белая женщина, едущая в 10-летней белой «хонде аккорд» солнечным летним утром. Кому и зачем в меня стрелять? Врагов нет; да я вообще едва существовала. В любом случае, реализоваться эта мысль могла, только если бы мне сильно повезло — в прямом или переносном смысле, смотря что вы считаете везением, — но за ней незванными-непрощеными гостями посыпались другие. Выпрыгнуть из окна высотного здания. Броситься под поезд метро¹. Останавливаясь на углу Дивижн и Ларраби, я обдумывала более экзотические способы самоубийства, например, повеситься, одновременно мастурбируя. Но кого я обманывала? Я была слишком скованной для такого сценария.

Я выудила из сливы косточку и сунула остаток мякоти в рот. Действительно ли я хочу умереть? Куда ве-

¹ Метрополитен Чикаго состоит из 8 линий общей протяженностью 170,8 км, причем 91,9 км линий проходит над землей (по эстакадам), 59,4 км — по земле и лишь 19,5 км — под землей.

дут меня эти размышления? Это суицидальные мысли? Депрессия? Решусь ли я их осуществить? И следует ли это делать? Я опустила стекло и швырнула косточку как можно дальше.

подавая заявление в юридическую школу, я описала мечту — защищать женщин с телами типа «неформат» (с ожирением); но это было правдой лишь отчасти. Мой интерес к феминистской адвокатской деятельности был неподдельным, но это не главная мотивация. Я не гналась за раздутыми гонорарами, как и за громкими делами. Нет, я пошла в юридическую школу, потому что юристы работают по 60—80 часов в неделю. Они планируют конференц-колла во время рождественских каникул, а в День труда их вызывают в суд. Юристы обедают за рабочим столом, в окружении коллег с закатанными рукавами и пятнами пота под мышками. Юристы могут быть женаты на работе — настолько важной, что даже не замечают пустоты в личной жизни, как на парковке в полночь. Или ничего не имеют против.

Адвокатская работа была общественно приемлемой ширмой для моей жалкой личной жизни.

Свой первый практический вступительный тест LSAT¹ я взяла со стола, за которым выполняла обязанности на тупиковой секретарской работе. У меня был

¹ Стандартизированный тест для поступающих в юридические вузы.

диплом магистратуры по специальности, по которой я не работала, и бойфренда, с которым я не трахалась. Годы спустя я буду называть Питера «трудоголиком-алкоголиком», но в то время называла его «любовью всей жизни». Я звонила ему в офис в половине десятого вечера, готовясь лечь спать, и обвиняла, что у него никогда нет на меня времени. «Я должен работать», — отвечал он и отключался. Когда я перезванивала снова, он не брал трубку. По выходным мы ходили по низкопробным барам в Уикер-Парке¹, чтобы Питер мог посмаковать крафтовое пиво и порассуждать о достоинствах ранних альбомов группы R.E.M., а я в это время безмолвно молилась, чтобы он остался достаточно трезвым и был в состоянии заняться сексом. Это случалось редко. В конечном счете я решила, что мне нужно какое-то всепоглощающее занятие, способное впитать ту энергию, которую я пыталась вливать в никакие отношения. Женщина, работавшая в соседнем кабинете, осенью собиралась начать учебу в юридической школе. «Можно одолжить у вас задачник с образцами тестов?» — спросила я. И прочла первую задачу:

«Преподаватель должен составить расписание для семи студентов в течение дня, для чего отведены семь разных следующих друг за другом периодов времени, пронумерованных числами от одного до семи».

Далее следовал ряд утверждений, типа: *Мэри и Оливер должны следовать друг за другом, а Шелдон должен*

¹ Модный район Чикаго.

стоять в расписании после Юрайи. Согласно указаниям, чтобы ответить на шесть вопросов с разными вариантами ответов об этом преподавателе и его головомомке с расписанием, отводилось 35 минут. Мне потребовался почти час. И половину ответов я не угадала.

И все же! Помучиться с подготовкой к экзамену, а потом тянуть ляжку в юридической школе казалось проще, чем исправить то, что заставило меня сперва влюбиться в Питера, а потом вечер за вечером выдерживать один и тот же бой.

Юридическая школа могла удовлетворить жажду общности с другими людьми, соизмерить мои мечты с их чаяниями.

Учась в средней школе для девочек в Техасе, я записалась на годичный курс гончарного мастерства. Мы начали со щипковой техники и постепенно добрались до гончарного круга. После того как сосуды были сформированы, учительница научила нас приделывать ручки. Если хочешь соединить две глиняные детали — скажем, чашку и ручку, — нужно сделать насечки на поверхности обеих. Насечки — горизонтальные и вертикальные бороздки в глине — помогали деталям спечься вместе, когда их обжигали в печи. Я сидела на табурете, держа одну из своих грубо вылепленных «чашек» и ручку в форме буквы С, а учительница демонстрировала процесс нанесения насечек. Мне не хотелось портить гладкую поверхность «чашки»,

которую я так любовно формовала, поэтому я прилепила ручку, не сделав насечки на поверхности. Через пару дней наши поблескивающие обожженные шедевры красовались на полке у задней стены студии. Моя чашка выжила, но ручка лежала рядом, рассыпавшись на несколько частей. «Неправильно нанесена насечка», — сказала учительница, увидев мое погрузневшее лицо.

Вот такой я всегда воображала поверхность своего сердца — гладенькой, зализанной, ни к чему не прикрепленной. Не за что ухватиться. Никаких насечек. Никто не мог привязаться ко мне с тех пор, как навалилось неизбежное пекло жизни. Я подозревала, что эта метафора идет еще глубже — я боюсь портить сердце насечками, которые естественно возникают между людьми, когда неизбежно сталкиваешься со стремлениями, требованиями, мелочностью, предпочтениями других и всеми будничными взаимодействиями, которые и составляют отношения.

Насечки требовались для привязанности,
а на моем сердце не было бороздок.

lll

Нет, я не была сиротой, хотя по первым параграфам может показаться именно так. Родители, по-прежнему счастливо женатые, жили в Техасе в том же краснокирпичном доме в сельском стиле, где я выросла. Если проехать мимо дома номер 6644 по Теккерей-авеню, то увидишь потрепанное жизнью баскетбольное коль-